

АНАСТАСИЯ КУЛИКОВА

Несколько рифмованных мыслей

РАЗНОЕ

Анастасия Куликова

Несколько рифмованных мыслей

«Издательские решения»

Куликова А.

Несколько рифмованных мыслей / А. Куликова — «Издательские решения»,

В жизни всегда есть место рифмованным мыслям...А можно ли выразить чувства прозой?Конечно, но рифмованные мысли изящней.

Содержание

Первый шаг. Лиственное	6
Утро	6
Осень	8
Деревья	9
Осень	10
Лебеди	11
Снова осень	12
Рассвет	13
Ночь	14
На рассвете	15
Луч	16
Второй шаг. Чувственное	17
Одиночество	18
Женское одиночество	19
Мужское одиночество	20
Гладиатор	21
Кровь на песке	22
Жизнь моя	23
Бык на арене	24
Борьба безумств	25
Ожидание	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Несколько рифмованных мыслей разное

Анастасия Куликова

© Анастасия Куликова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый шаг. Лиственное

Утро

Потянуло с востока рассветным туманом,
заалел горизонт лепестками из роз,
тени серые в пляске безумной и пьяной
от воскресшего солнца свой спрятали хвост.

Заросилась трава серебристой изнежью,
заблестела на солнце камнями слёз,
ото сна пробудились нечаянной трелью
гомонящие птицы средь бледных берёз.

Дерева часовыми застыли под небом,
примеряя наряд из кинжальных лучей,
только полем ползёт медлительный ветер,
не продравший ночных похотливых очей.

Облака, наливаясь искристым похмельем,
переводят свой взгляд в лучезарную синь,
отряхнули личину ночного рожденья
сероглазые призраки вечных богинь.

Осень

Осень

Между деревьями осени призраки
листья сдувают со спящих ветвей,
брызжут бездонными липкими страхами,
плачут надрывно под шелест дождей.

Туча, беременным брюхом бравируя,
город накрыла, и стало темно,
птицы, игриво меж капель лавируя,
прячутся быстро в сухое гнездо.

Северный ветер порывами быстрыми
носится в танце по грешной земле,
плещет в лицо черно-белыми брызгами,
видно мечтает в ночи умереть.

Деревья

Ветви взметнулись острыми иглами,
Корни вцепились в землистую твердь,
ветер полями жёлто-постылыми
носит в себе увядания смерть.

Скрипом рыдает хлипкое дерево,
Дни пролетели зелёных хлопот,
Вот и засохло к старости медленно,
Словно росло среди черных невзгод.

Осень

Осень

Тяжестью мрачной усталые тучи
взяли в полон голубой небосвод,
дождь без сознания, холодный, летучий
хлынул потоком с небесных высот.

Жёлтые листья трепещут от ветра,
льнут под защиту уставших стволов,
призраком сна отзвеневшего лета
память бежит от беспечных следов.

Лебеди

В небе лебедь летит,
машет белым крылом,
вслед за ним
лебединая стая,
напевая мотив,
видно, тёплых краёв,
от зимы
навсегда улета.

Провожает земля
долгим взглядом своим
и слеза
на глазах выступает,
зашумят тополя
пожелтевшей листвою
и роса
заблестела до края.

И в зелёной траве
жёлтый призрачный след
обретёт
вдруг свои очертанья,
скоро в память листве
тот грядущий рассвет
море слёз
разольёт на прощанье.

Снова осень

Ах! Осень, осень! Жёлтые берёзы!
Пожухлая от старости трава!
Природы милые метаморфозы
И паутины зыбкой кружева.

Усыпан двор цветами спелых яблок
и аромат дурманом вьётся вширь —
до головокруженья сладок
а рядом на реке шумит камыш,

темнеет зеркало свинцовой глади —
звериные застывшие глаза —
и ветер пальцами безвольно гладит
без волн и ряби речки волоса.

Рассвет

То было раньше... раньше... раньше...
Цвели деревья, птицы звонко пели...
Трава сияла изумрудным гляncем...
Гряда из гор стояла цитаделью...

Дышал простор тогда любви зарею,
огнём алел прозрачный край небесный,
сиянье пурпура согнало звёзды,
сбежал рассвет от дремлющей невесты.

Рассыпал воздух слез немые росы
и птицы крыльями чертили небо,
и песнь звучала призрачной свободе,
и утро над землёй летело ветром.

Ночь

Ночь

Словно в саване дремлют туманом одетые степи,
путеводной звездой освещает дорогу луна,
это тихая ночь опускает безмолвные цепи
и уснувшей негой земля до предела полна.

Только небо златые огни потревожат сияньем,
не уснуть им, счастливым, в мерцанье полночных бесед.
Робкий ветер, бегущий с судьбою тайком на свиданье,
за собою потянет желтеющий в шорохе след.

Облака, словно грозные башни из рыцарских сказок,
в подуставших от бега лениво плывут небесах.
Отрешилась земля от весёлых и радужных красок,
до утра успокоилась, тихо сомкнула глаза.

На рассвете

На рассвете, безмолвном и томном,
когда сил нет сливаться со сном,
грешный мир безнадёжно-картонный
предстаёт грязно-серым пятном.

И реальность загубленным древом
тяготит, не давая вздремнуть,
а хотелось, чтоб утро запело
и звездой озарило бы путь.

Но теснится под ложечкой нечто,
не дающее телу уснуть,
словно вечная грешная вечность
изнутри рвёт уставшую грудь.

Луч

В стыдливости одетый краску
скользил с небес полночный луч,
надев на лик страданий маску
с названьем сокровенным – грусть.

Луч серебром окрасил землю,
забился в тень, закрыв глаза,
в холодной пышной колыбели
забыл совсем про небеса.

Во сне сопит, под щеку руку,
картины выются в голове,
быть может, видит в поле вьюгу,
а может, муравьёв в траве.

Сопит младенцем и не знает —
Рассвет давно лишился сна,
Давно уж надевает платье,
Давно бледнеет и луна.

Второй шаг. Чувственное

Одиночество

Одиночество

Одиночество меря шагами,
спотыкаясь отсутствием слов,
что-то нежное, впрочем, слагаю,
чтобы, может, поведать потом.

Жажду бега в ускоренном темпе,
погружаясь в нирвану разлук,
Разрываю я кокон безверья
оплетением страждущих рук.

Уповаю и верю в спасенье,
от надежды забыться б, от бед,
но напугана бешеной трелью,
разрывается сердце в ответ...

Женское одиночество

К чужим не имела постелям пристрастья,
но жизнь в одиночестве грустью полна,
и вот расточаю и смех, и объятья,
чтоб ночью не думать: « я снова одна».

Чужим поцелуям подставлены губы,
без страсти вливаюсь в чужие уста,
сегодня послушной я буду... и глупой.
...И снова ушедшая ночь не пуста.

Чужое «прости» в опустевшей постели,
под утро исчезнет опять в никуда,
исчезнет и запах пьянящего хмеля
и щёку пометит немая слеза...

А годы проходят, они не чужие,
душа улетает туда, в небеса,
и радость, и счастье становятся злыми,
душа улетает вслед горьким слезам...

Мужское одиночество

Мужское одиночество

Я, наверно, смертельно устал
Грузу лет подставлять свои плечи,
Видеть злобный судьбины оскал,
Что собою мне сердце калечит,

Я устал от сомнений в душе,
От неверия в близость надежды,
От того, что теряю уже
В океане мечтаний мятежных.

Я устал разрываться навзрыд,
Замыкаться в себе, как улитка,
И испытывать бешеный стыд,
Что висит надо мною, как пытка.

Я, наверно, хочу умереть,
Тяжело быть по жизни ведь лишним,
Лучше сразу прервать круговерть
Этой в горечи правильной жизни.

Гладиатор

Ревут трибуны, рвут мне вены,
на грани жизнь, на волоске,
усталость больно сводит члены
и меч дрожит давно в руке.

Отброшен щит теперь ненужный,
струится кровь по животу,
толпа к паденью равнодушна,
победа ей лишь по нутру.

Кружусь, потом стою на месте,
ногам споткнуться бы пора,
одна распорота до кости.
вторая пикой сражена.

Но я упорно лезу в драку,
пока теплится жизнь во мне,
уж лучше бросится в атаку,
чем извиваться на песке.

Пусть кровь струёй бежит за мною
вторую тенью, но я жив
и не стою к врагам спиною,
издав прощальный в беге крик.

Вот я устал, и сил нет боле,
последний мой остался взмах,
и меч летит послушный воле,
и смерть моя горит в глазах.

Кровь на песке

Арена, круг песчаный,
тореро, шпага, смерть,
струится кровь фонтаном,
рукав помечен в медь.

Игра теней и света,
горячечный азарт,
смерть, словно эстафета,
и замер крик в глазах.

Рога острее пики
идут на абордаж
и надо стать великим,
вот в этот миг, сейчас.

В испуге столбенеет
трибунная толпа —
минута откровенья
но смерть порой слепа.

Карающей громадой
мчит бык на гордеца...
тореро в шаге... рядом...
и вот на гладь песка,

за алой каплей капля
чернеет на глазах,
поднята в воздух сабля...
улыбка на губах...

Жизнь моя

Жизнь моя! Ты идёшь из откуда в куда?
Из бескрайних полей зеленеющих юга?
Из предгорий, с которых приходят снега
и несётся по травам холодная выюга?

Жизнь моя! Ты – осколок, отбитый от дней,
наслаждение, ставшее болью и кровью,
и закончишься жарким бегом ярких смертей,
заслонившись от света извечною тьмою.

Жизнь моя! Ты сегодня, как дева, добра,
та, что нежно чесала бока грубой щёткой,
а потом заострили к сражению рога,
раззадорили бешенство кожаной плёткой.

Жизнь моя! Из боя выйдет только один,
а второй на арене объятия смерти
распахнёт, время возьмёт его молодым,
вопреки уходящей твоей круговерти.

Бык на арене

Он в Бога верует, но проливает кровь,
я же – язычник- бык с острейшими рогами,
он носит крест во избежание грехов,
я бью копытом землю и хожу кругами.

Капоте алое живёт в его руке
и жало острое вторую украшает,
но вижу – смелость вся висит на волоске,
и шепчет что-то он о кустах дивных рая.

Глаза застыли, из ноздрей струится пар,
тяжёлой поступью прошёлся по арене,
по шкуре солнечный бежит змеей пожар
и рад я в жизни безвозвратной перемене —

пролётся чья-то кровь сегодня на песок,
а я стою и вижу толпённые лица —
один большой ревуший безобразный рот,
вот он, слепец, теперь действительный убийца.

Борьба безумств

Закончена борьба и капли пота
покрыли тело с головы до пят,
лицо горит от сладости полётов
и огоньками полон дикий взгляд.

Соблазн велик – словами все испортить,
но поцелуем скованы уста
и дрожь спешит к нетерпеливой плоти,
чтоб вновь войти в покорные врата.

В движеньях нет поспешности безумной,
но ногти чертят на спине узоров вязь
и вдруг затих крик страсти безрассудной —
плотина рухнула, свободой наслаждаясь.

Ожидание

Мы пили тёплое вино,
я улыбалась без причины
и музыка звучит давно.
Я не хочу любви кончины.

В руке держала я фужер,
наполненный вином кровавым,
мне дела нет до миражей,
ты улыбаешься лукаво.

Сегодня знаю – только мой
и тело жаждет телу сдаться,
не нужен мне пустой покой
и я прошу тебя остаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.